Юрий Л. Казаков

ЛИЗА ТАНЦУЕТ

18+

Юрий Л. Казаков

Лиза танцует

«Автор»

2026

Юрий Л. Казаков

Лиза танцует / Юрий Л. Казаков — «Автор», 2026

Двое друзей оказываются в выматывающей петле времени и, чтобы выбраться в новый день, им нужно отыскать Лизу, которая танцует.Мистическая новелла об осознании и пробуждении.

© Юрий Л. Казаков, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Диктофон 5
Глава 2. Ламантин 7
Глава 3. Оранжевые кеды 9
Глава 4. Айсберг Джинджер 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Лиза танцует

Глава 1. Диктофон

Солнце поднималось. Или садилось. Или снова поднималось. Или снова садилось. И так каждое утро, которое становилось вечером. И лучи его меняли цвет с ядовито-оранжевого на оранжево-серый, а потом обратно. Но всё же иногда наступала ночь, тихо, беззвучно, как невидимые перья, скользящие на ветру над пыльным асфальтом.

– Лиза, Лиза, – пробубнил спросонья Теплёв, вдруг дёрнулся в кресле и ударился согнутыми пальцами о крышку бардачка.

– Спокойно, – Веренигин схватил напарника за плечо.

– Лиза танцует… Танцует, – прошептал тот из густой дремоты. – А-а! – Он воскликнул от боли, отпрянул в сторону и заметил в руке Веренигина инъектор. – Что ты делаешь?

– Что и обычно. Тихо.

– Ты опять колешь мне эту дрянь? Ты… зачем… ты…

– Сейчас полегчает, всего четверть ампулы. Спокойно.

– Лиза танцует… танцу… Ли… – Теплёв обессилено согнулся, уронив голову на пластмассовую панель.

Веренигин аккуратно вернул напарника обратно на спинку кресла, дотронулся пальцами до его шеи и мысленно сосчитал:

– Один, два, три, четыре.

Затем он щёлкнул замком бардачка, опустил крышку и достал продолговатый диктофон с исцарапанным корпусом и засохшими каплями серой грязи, застывшими в решётке динамика.

Щёлк.

Пружина под кнопкой сжалась, и тусклая жёлтая лампочка загорелась возле разбитого табло. Веренигин поднёс диктофон к уху и замер.

– Пш-ш-ш. – Из динамика донеслось монотонное шипение.

Он тяжело выдохнул и выключил диктофон. Впереди возле дверей в продуктовый магазин раскачивалась на проволоке металлическая вывеска. Иногда она звонко ударялась о стену, но этот звук Веренигин не слышал. Он его уже не замечал.

Щёлк.

– Меня зовут Андрей Веренигин. Я… – Голос его на мгновение исчез, захлебнулся. – Ох, как же я устал всё это записывать. В который раз? В тысячный? В двух-трёх-четырёхтысячный? Уже не помню. – Он закрыл глаза. – Проклятье, я каждый раз надеюсь, что запись сохранится. Но проходит день. И я снова здесь, в старом лансере. Рядом Теплёв. Бубнит про эту свою Лизу. А я включаю чёртов диктофон, а на нём лишь шипение. Ха! – Вдруг злобно ухмыльнулся Веренигин. – Я уже это записывал. Слово в слово. Но вы точно мне не поверите. Никто из вас! Потому что никто из вас не услышит эту запись. Никто. А, плевать!

Он выключил диктофон и бросил его на колени. Теплёв всё ещё был без сознания, лишь его грудь чуть поднималась и опускалась в старом автомобильном кресле.

Щёлк.

– Прошу прощения за мою несдержанность, – Веренигин попробовал говорить ровнее. – Нам ведь теперь выдают антидепрессант. Помогает не свихнуться окончательно. Хорошая штука. Рубит сразу. Забываешь, что день теперь один и тот же. Один и тот же обдолбанный день! Хм… Как же вам объяснить? Вас пока нет. Вы пока здесь, со мной, в этом диктофоне. Проживаете этот день, один и тот же день. Но завтра…. Рано или поздно должно наступить завтра. И тогда запись уцелеет. И тогда… тогда она будет доказательством, что мы не свихнулись. Все мы… Что каким-то образом застряли в этом дне. И проживаем его в тысячный раз.

Теплёв что-то пробормотал и дёрнулся в полудрёме.

– Напарника без успокоительного по-прежнему колотит. Но я слез. Уже не колю себе эту дрянь. Потому что хочу понимать, хочу осознанно проживать день за днём. День за днём? Ха-ха! Вы даже не представляете, как это сладко теперь звучит. Когда дни больше не дни, а один – длинный, бесконечный, повторяющийся. – Веренигин посмотрел в окно, где над городом поднималось утреннее прежнее солнце. – Вот он, этот день. Снова начинается здесь, на улице Савинской, в старом лансере возле магазина «Продукты 24/7». И чтобы мы все не придумывали, у каждого из нас своя улица Савинская и свой магазин продуктов. Так… что-то я разболтался. – Веренигин повернулся к напарнику. – Скоро Теплёв очнётся. И тогда в путь. На поиски его Лизы. Он грезит идеей о ней, о Лизе, которая танцует. Говорит, она выведет нас из этого дня. И с чего бы? Наивный фантазёр Теплёв! Хотя… почему бы и нет? «Почему бы нет» в пятисотый или даже в тысячный раз. Сбился я со счёта. Не важно. Сегодня мы опять поедем за Лизой. А что мы про неё знаем? А ни черта! Нет ни фото, ни даты рождения. Только то, что она танцует, любит ромашки. И у неё два высших образования, одно из которых психологическое. И всё! О, кажется, мой друг сейчас очнётся. Пора ехать.

Щёлк. Веренигин уставился на пустую улицу, залитую бесконечным солнечным дыханием. Щёлк.

– Если эта запись сохранится, значит, мы выбрались в новый день. И, возможно, в этом нам помогла Лиза, которая танцует.

Глава 2. Ламантин

Лансер поднимал за собой стену из вьющейся пыли, грохоча по разбитой дороге опустевшего безлюдного переулка. А гладкое однотонное небо скручивалось где-то далеко за горизонтом, где всё теперь казалось слишком маленьким и неважным. Теплёв взглянул на часы. 27:63.

– Поворачивай.

– На следующем перекрестке поверну, – заявил Веренигин. – Хоть какое-то разнообразие.

– Разнообразие? – ухмыльнулся Теплёв и полез в карман брюк, вынув оттуда мятую пачку вонючих сигарет. – Неделю назад ты уже там сворачивал.

– Так то было неделю назад. Вечность! Почти вечность назад. Почти как… – Он недоговорил и взглянул на напарника. – Опять куришь? – Тот молча затянулся и ответил лишь прерывистым кольцом дыма. – Будет забавно, когда ты снова решишь бросать. В пятый раз?

– В шестой.

– Слушай! – воскликнул Веренигин. – Я, кажется, понял! Ты придумал себе новую привычку. Ха, забавно! У всех привычка курить, а у тебя – бросать курить. Соображаешь. Не все извилины сожглись этой химозной дрянью.

– Дошло, наконец, – ухмыльнулся Теплёв. – Поворачивай.

– Разберусь, – ответил тот, свернул налево возле Театра Комедии и Астрологии, и лансер выехал на центральную улицу. – Утром пришлось снова делать укол. Четверть ампулы. Это, конечно, прогресс. Но даже четверть этой дряни превращает тебя в аморфного зануду.

– А ты больше мне не коли, тогда и посмеёмся.

– Не коли. Посмеёмся, – повторил Веренигин. – Забыл, что было в прошлый раз? Или в позапрошлый? А как тебя поймали в неадеквате? Сколько тебя в Принудительной продержали? Месяц, два?

– Три года.

– Вот и ответ, – ухмыльнулся Веренигин. – Не коли… Как же ты собрался найти свою Лизу, сидя на дозе в застенках Принудительной?

– Я – не ты. Мне сложно слезть безболезненно.

– А ты не торопись. Последовательно. Понемногу. Шаг за шагом. Это тебе не курить бросать.

– А есть вообще кто-то, кому удалось слезть как тебе? Знаешь таких?

– Не знаю, – ответил Веренигин. – Возможно, есть. Может, этот. Или тот, – он показывал рукой на прохожих, медленно бредущих вдоль дороги. – Да и какая разница?

Дальше они ехали молча, пересекая одинаковые перекрестки, на которых уже давно погасли светофоры. На тротуарах по обеим сторонам центральной улицы по-прежнему попадались одинокие силуэты, но с каждым новым возвращающимся днём их становилось меньше. Город пустел, растворялся, проваливался в облака оранжево-серой пыли и шёпота скрытых теней.

– Ну, вот мы и на месте. Здесь припаркуюсь. Пойдешь к фонтану или посидишь со мной?

– Я видел её издалека. А близко не видел. Окажусь рядом, то не узнаю, – сказал Теплёв и отстегнул ремень. – А силуэт узнаю. Наверно.

– Да уж, – устало выдохнул Веренигин. – Близко – далеко. Узнаю – не узнаю. Слышу этот бред каждый день. И каждый раз вся эта затея становится всё бредовее и бредовее. Лиза, которая танцует… Нелепость.

– Не бредовее твоего диктофона, – буркнул Теплёв. – Что может быть бредовее записывать каждое утро послание самому себе, которое исчезнет через сутки?

– Тебе то какое дело? – нахмурился Веренигин. – Может быть, этот диктофон – моя единственная нить туда, в новый день! Может быть, я только и держусь благодаря этому диктофону! Ты не думал об этом? Нет, конечно. Ты лишь о какой-то девке думаешь.

– Думал, – спокойно кивнул тот. – Только зачем ты стираешь свою запись? Что смотришь, удивлён? Да, я знаю. Ты стираешь запись вечером, а утром делаешь вид, что она сама стёрлась.

Веренигин злобно выдохнул. Он отстегнул ремень и повернулся в сторону фонтана. Там, в обжигающих лучах бесконечного солнца сверкали капли прыгающей воды. Оранжево-серый смог медленно кружил над брошенной площадью, где лишь одинокий старик в бежевом плаще сидел на скамье и бросал остатки хлеба на тротуар. Ни голубей, ни воробьев не было. Хлебные крошки катились по плитке и падали в щели между ростками выползающей травы.

– Я помню, как она танцевала. Прямо там. У фонтана, – тихо сказал Теплёв. – Закрываю глаза и снова вижу её. И этот танец. Руки. Как она…

– Какого чёрта? – вдруг прокричал Веренигин. – Что за...

Из фонтана вдруг выскочил огромный сверкающий ламантин. Он устремился вверх и где-то в самой далёкой глубине вспыхнул, превратившись в усыпанные искры тающих в бездне созвездий. А стена из воды фонтана рухнула на дорогу и хлынула во все стороны, волной накрыв скамейку, на которой сидел старик. Его швырнуло на тротуар и потащило прочь.

– Давайте руку! – Теплёв выпрыгнул из лансера и ринулся к старику. – Руку! – Он наконец схватил его. – Держу, всё нормально. Я держу. Не ушиблись? Ничего не сломали?

– Ой, ах, – прокряхтел тот. – Что случилось? Кит? Это был кит?

– Не знаю.

– Нет, не кит. Ламантин, да? Ламантин? – Старик растерянно поднялся на ноги.

– Вряд ли, – пожал плечами Теплёв. – Откуда ж в фонтане морское животное? Да и мал он для фонтана.

– Ну вы ведь тоже его видели. И я видел, – не останавливался удивлённый старик. – Выскочил и улетел. Громадина такая!

– Да… громадина, – повторил Теплёв.

Веренигин открыл крышку бардачка и вынул диктофон. Щёлк.

– Сегодня из фонтана вылетел ламантин. Это не шутка. Я трезв и в своём уме. Антидепрессант тоже не принимал. Самое поразительное не то, что он оказался в фонтане и что умеет летать, а то, что вчера в фонтане не было никакого ламантина. Ни вчера, ни позавчера. – Веренигин взглянул на удаляющиеся фигуры Теплёва и старика. – Возможно, напарник прав. Лиза танцует. И она поможет нам выбраться в новый день.

Глава 3. Оранжевые кеды

– Костя? Ты меня слышишь? – Веренигин склонился над Теплёвым, лежащим на бетонном полу. – Костя, надо выбираться отсюда, слышишь меня? – Он бил ладонью по щеке Теплёва, но тот едва реагировал: глаза то и дело закатывались вверх, а изо рта вытекала густая вязкая слюна.

Веренигин подскочил к дверному проёму и осторожно выглянул в узкий длинный коридор. В грязно-жёлтой дымке над перилами мелькала настенная заляпанная лампа. А из соседних комнат доносились хриплые и задыхающиеся голоса:

– Бень, бень, бень, бень.

– Дай, дай, дай, дай.

– Сам и ты, сам-сам, ты. Нет. Он. Ты. Сам, сам, Он. И он.

Веренигин вернулся обратно к Теплёву и приподнял его, обхватив руками.

– Давай, друг, поднимайся! Нужно выбираться отсюда! Давай же, ну!

– Кра..ка…с..а…та

– Что? Не понимаю! – Он наклонился к Теплёву. – Говори чётче, что?

– Кра…со..т… а.

– Что? Красота? Чёрт тебя дери, Костя, сколько же в тебе этой дряни? – Он рванул рукав к плечу и взглянул на руку напарника.

В коридоре вдруг раздался мерзкий скрип. Затем удар. Ещё удар. Ещё и ещё. Веренигин кинулся к проёму, прижался к стене и снова выглянул. Вдалеке показался огромный тучный человек в комбинезоне. Он шёл медленно и ударял металлическим прутом о старые кованые перила. Вдруг из соседней двери вылетела девчонка и с рычанием леопарда, вырвавшимся откуда-то из-под израненных прутьев её тюрьмы, бросилась на великана. Подпрыгнула и вцепилась руками в его голову. Он поднял ладонь и сшиб её, смахнув в стену, словно назойливую муху, севшую на лицо.

– Кто ещё? Вылезайте, твари! – вскричал он и шагнул в ближайшую комнату. – Хочу всех посмотреть!

– Да что б тебя! – Веренигин отскочил от двери. – Костя, поднимайся! Скорее! Ну? А-а, чёрт! – Он рванул в коридор и ринулся прочь, оглянувшись лишь раз, чтобы убедиться, что его не заметили.

Теплёв поднял руку, вытянул её вверх и растопырил пальцы. Затем сжал их, затем снова растопырил. Затем рука упала вниз, ударившись о бетон.

– А ты, прыщ, тоже хочешь? – Великан зашёл к нему и остановился над ним. – Вы все хотите, я вас, тварей, знаю. Скулишь?

– Кра...с… кра.

Великан сел на колено и сжал широкой ладонью горло Теплёва.

– А тебе сегодня добавка будет. Сегодня я добрый. – Он вынул из нагрудного кармана комбинезона инъектор и довольно улыбнулся, оголив половину гнилых зубов, но вдруг завопил: – А-а!

Яркий оранжево-серый свет ворвался в комнату и окружил его. Ампула выпала из инъектора и покатилась по полу. Великан запрокинул голову, упёрся ладонями в виски и завизжал. Он упал на второе колено, а через мгновение его огромный силуэт растворился в столбе поднявшейся пыли.

Над лежащим Теплёвым проявились три фигуры: высокая по центру и две пониже по краям. Он хаотично мотал головой и едва мог остановить мечущийся туманный взгляд. Единственное, что он осознал, это было платье. Синее платье по центру.

– Клк-мпк-к.

– Нет, – раздался женский голос. – Его потом. Всех сразу не забрать. Только по одному.

– Ткт-шкл-клк-пк.

– Великан тоже застрял. Его тоже надо было вытаскивать.

– Ткс-стк-лк.

Два силуэта плавно облетели Теплёва и нырнули сквозь стену. Он напряг глаза и в полумраке сознания обнаружил рядом с собой оранжевые кеды. Она зашагала вперёд и тоже проскочила сквозь стену. Теплёв перевалился на бок и подтянулся к крохотному окну у самого основания пола. Где-то там вдалеке, возле фонтана шла девушка в синем платье и в оранжевых кедах. Рядом на скамейке сидел старик и кормил голубей хлебом. Она улыбнулась ему и затанцевала.

– Лиза, Лиза… – пробубнил спросонья Теплёв, вдруг дёрнулся в кресле и ударился согнутыми пальцами о крышку бардачка.

– Спокойно, всё хорошо, – Веренигин схватил напарника за плечо. – Сейчас успокоишься.

– Не надо, не коли больше, – прошептал очнувшийся Теплёв. – Больше не надо.

– Что?

– Я вспомнил. Давай сразу к фонтану.

– Зачем?

– Поехали, говорю.

Веренигин завел двигатель лансера, и они помчались по улице города, медленно просыпающегося снова в этот единственный день, в этой бесконечной временной петле. Когда впереди показалась площадь, Теплёв отстегнул ремень и повернулся к напарнику.

– Я кое-что вспомнил. Иди за мной. – Они вышли из машины и двинулись в сторону фонтана. – Вот. Здесь, – сказал Теплёв и замер. – Оглянись.

– И что? – развел руками Веренигин. – Мы были здесь тысячу раз. Что изменилось?

– Смотри, – Теплёв поднял руку и указал на горизонт, где среди высоких многоэтажек вдалеке виднелся небольшой кусок серой стены и маленьких черных точек; то были крохотные окна.

– Чёрт меня дери, Принудительная!

– Я видел её оттуда. Видел Лизу. Она танцевала.

Глава 4. Айсберг Джинджер

Веренигин опустился на выступ, согнул ноги и прижал колени к груди, обхватив их руками. Его взгляд устремился вперёд, в самую тьму, которая начиналась сразу в нескольких метрах от ледяного обрыва. Его тело дрожало. Он ощущал, как медленно синеют его губы, как истончается его краснеющая кожа под глазами, как неукротимый холод вьётся паутиной вокруг него. Рядом стоял Теплёв. Его качало в стороны. Руки он держал в карманах, голову наклонил вниз, спрятав нижнюю часть лица под воротником куртки, который быстро покрывался слоем инея в твердеющем дыхании.

– Сядь, чего стоишь? – прошептал с подступившей хрипотой Веренигин.

– Сидеть ещё холоднее, – возразил тот.

– Зато ветер не так сильно обдувает.

– Отстань, – буркнул Теплёв.

– Дело твоё, – пожал плечами Веренигин. – Раз садиться не хочешь, тогда сходи и проверь, как там она? Дышит ещё? Не окоченела?

– Я отсюда вижу, что шевелится. – Теплёв повернулся и посмотрел на Джинджер. – Хотя, может куртку ей дать, а то она в платьишке одном?

– Попробуй. Думаю, в этот раз она уже не сможет заехать тебе по физиономии. Уже не такая прыткая.

– Она просто не поняла.

– Я тоже не понял, – Веренигин скривил рот в едва заметной ухмылке и посмотрел на напарника, который с заплетающимися шагами направился к Джинджер. – Гляди-ка, ну долбанный романтик! – засмеялся он, когда Теплёв поднял её на руки и потащил к нему. – Ну как? Не окоченела ещё? Жива?

– Да, вроде. – Тот опустил её на лёд, укрыл своей курткой, сел рядом и склонился над лицом, вслушиваясь в тихое, еле различимое дыхание.

– Если бы не твои кузнечики, мы бы не торчали здесь, хрен пойми где. На чёртовом айсберге. Хотя, это и не айсберг вовсе, а ледяная глыба, повисшая где-то в воздухе. Айсберги по воде плавают. А тут… я даже и не знаю, где мы.

– Ты хочешь сказать, это моя вина? – Теплёв прищурился.

– А чья? Всё твои кузнечики, будь они не ладны.

– Помниться, мы за сушеными кузнечиками поехали, потому что тебе надоели такосы.

– Да мне всё надоело! – захрипел Веренигин. – Ты, твоё нытьё, твоя выдуманная Лиза, этот сраный день. Всё осточертело!

– Она существует. Она забрала жирдяя. Вытащила его в новый день.

– В тебе был целый вагон химозной дряни. Говорю, привиделась тебе твоя Лиза, – не унимался Веренигин. – Ну, допустим, видел ты какую-то девицу. С чего вообще ты решил, что её Лизой зовут?

– Я… не знаю… Разве ты не спрашивал этого раньше?

– А я не помню, что я спрашивал, а что не спрашивал, – усмехнулся тот.

– Я знаю, что я видел, – Теплёв выпрямился. – Между прочим, я встретил её там, в Принудительной… после того, как ты бросил меня, сбежал. Другом ещё называешься.

– Да как ты смеешь? Я рисковал не меньше. Пробрался туда, чтобы тебя вытащить.

Теплёв хотел чем-нибудь возразить, но Джинджер вдруг очнулась и в испуге скинула с себя куртку.

– Что происходит? Где я?

– Мисс Халливел, вы очнулись, – Тёплев подобрал куртку и протянул её Джинджер. – Вы всё там же. На айсберге. Хотя, мы не уверены, что это айсберг. Потому что там внизу воды нет. Там пустота. Мы висим в воздухе.

– Что ещё за мисс Халливел? Ты же говорил, что это Джинджер? – удивился Веренигин.

– Джинджер Спайс – это её псевдоним. Настоящее имя – Джерри Халливел. Рыженькая из Спайс Гёрлз.

– Погоди, почему рыженькая? Она ведь блондинка? И что такое Спайс Гёрлз?

– Как я тут оказалась? – пробубнила Джинджер, снова укутавшись в куртку.

– Тут такое дело, мисс Халливел…

– Всё дело в кузнечиках, – перебил Веренигин. – Этот гурман отправился в «Кузнечик Лайк». А там на стене ваша афиша. И подпись: «При покупке 2-х порций Кузнечикано – 50% скидка на ваш концерт». Вот мы и пошли.

– А там пустой зал, – добавил Теплёв. – Совсем пустой. Мы подумали, концерт отменили.

– Да, – грустно вздохнула Джинджер. – Хотели отменить, но администратор сказал, что пришли два зрителя.

– Это мы, – улыбнулся Теплёв.

– Помню, как начала исполнять Lift me up.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.